

Языковая и историко-культурная специфика лирического анекдота о войне в украинском квазифольклоре XX века (общеславянский и европейский контекст)

Linguistic and historical-cultural specificity of the lyrical joke about the war in the Ukrainian quasi-folklore of the 20th century (common Slavic and European context)

Глотов А.Л.

д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и методики их преподавания Кременецкой областной гуманитарно-педагогической академии имени Т. Шевченко
e-mail: algall@ukr.net

Glotov A.L.

Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Methods of Their Teaching, Taras Shevchenko Kremenets Regional Humanitarian Pedagogical Academy
e-mail: algall@ukr.net.

Аннотация

Тема войны в славянском культурном пространстве XX–XXI вв. является постоянно актуальной. С 70-х годов прошлого века в украинском квазифольклоре, сознательно стилизовавшем народные военные песни Первой и Второй мировых войн, имеет хождение песня «Фигурка».

Это произведение можно рассматривать в контексте как так называемых «повстанческих песен» ОУН-УПА, так и советских партизанских песен. Однако она откровенно лишена героического пафоса этого рода текстов, продолжая европейскую традицию десакрализации, профанации, карнавализации (М.М. Бахтин) тех явлений общественной жизни, которые становились частью государственной мифологии.

Нарратор песни рассказывает о событиях начала войны, используя явно стилистически сниженную, пародийно диалектную лексику. Комичность рассказа достигается, как и в случае казачьего говора деда Щукаря у Шолохова, вологодского говора Ивана Африкановича Дрынова у Белова, вятского диалекта у Крупина, умышленным отклонением от литературного украинского языка – западно-украинским суржилом. Языковыми составляющими эстетического эффекта комичности являются собственно галицийские диалектизмы, полонизмы, заимствования из немецкого и русского языков.

Можно классифицировать сюжет этого лирического произведения как анекдот, аналогично тому, как в жанре романа-анекдота был создан текст книги В. Войновича «Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина». Объектом ненавязчивого пародирования в песне являются литературные произведения, настойчиво внедряемые советской пропагандой в читательское сознание как мо-

ральные и эстетические ориентиры. В частности, речь идёт о текстах из жизни белорусских и украинских партизан.

Структурно текст песни построен как рассказ-воспоминание ветерана Второй мировой войны, причем из сюжета сделать вывод о том, на чьей стороне он был, практически невозможно. Комический эффект возникает в основном вследствие, во-первых, языкового смешения, во-вторых – абсурдности действий персонажей.

Ключевые слова: славянский фольклор, советская литература, стилизация, пародия, лирический анекдот.

Abstract

The theme of war in the Slavic cultural space of the XX-XXI centuries is constantly relevant. Since the 70s of the last century in the Ukrainian quasi-folklore, which deliberately stylized the folk war songs of the First and Second World Wars, the song "Figurka" has been circulating.

This work can be viewed in the context of both the so-called "rebel songs" of the OUN-UPA and Soviet partisan songs. However, it is frankly devoid of the heroic pathos of this kind of texts, continuing the European tradition of desacralization, profanation, and carnivalization (M.M. Bakhtin) of those phenomena of social life that became part of the state mythology.

The song narrator tells about the events of the beginning of the war, using clearly stylistically reduced and parodically dialect vocabulary. The comic character of the story is achieved, as in case of the Cossack dialect of Shchukar's grandfather at Sholokhov, the Vologda dialect of Ivan Afrikanovich Drynov at Belov, the Vyatka dialect at Krupin, a deliberate deviation from the literary Ukrainian language - by the Western-Ukrainian surzhik. The linguistic components of the aesthetic effect of the comedy are actually Galician dialectisms, polonisms, borrowings from German and Russian.

The plot of this lyrical work can be classified as a joke similar to how the text of the book by V. Voinovich "The Life and Extraordinary Adventures of the Soldier Ivan Chonkin" was created in the genre of a joke novel. The object of unobtrusive parodying in the song is literary works, persistently introduced by Soviet propaganda into the reader's consciousness as moral and aesthetic guidelines. In particular, we are talking about texts from the life of Belarusian and Ukrainian partisans.

Structurally, the text of the song is built as a recollection story of a World War II veteran, and it is almost impossible to draw a conclusion from the plot about which side he was on. The comic effect arises mainly due to, firstly, linguistic confusion, and secondly, the absurdity of the characters' actions.

Keywords: Slavic folklore; Soviet literature; stylization; parody; lyrical joke.

Война как культурообразующий концепт существует в цивилизационном пространстве испокон веков и вряд ли готова исчерпать свои возможности в обозримом будущем. К сожалению. Эстетика лихой битвы, этика рыцарского поединка, «упоение в бою» насыщали творческую мысль прежде и будут вдохновлять впредь мастеров слова, кисти, резца и киноаппарата.

В одном военном учебном заведении, где я вел ряд гуманитарных дисциплин, предмет «история мировой литературы» преподавался будущим офицерам всего лишь как более или менее занимательная череда военных событий, отраженных в литературных произведениях, своего рода баталистика, «война и мир» от Аристофана до наших дней. А поскольку объять необъятное, как известно, нельзя, то методисты из Министерства обороны полагали такой подход вполне целесообразным и достаточным.

Столь искомая администраторами научной деятельности актуальность данного дискурса может быть подтверждена также ещё и тем, что некоторые со-

временные литераторы, тоскуя по воинской славе Эрнеста Хемингуэя и Константина Симонова, подсади на войну как на наркотик и мечутся по планете в поисках, где бы пострелять. А когда находят, удовлетворённо урча погружают свою творческую десницу по локоть в чужую кровь, и не отползают, пока не насытятся новыми идеями и амбициями. Ну да Бог им судья, а пуля – она ведь дура и принципиально не отличает ландскнехта от слугителя муз.

Вооруженный конфликт по большому счёту можно отобразить в творческом сознании по-разному. Во-первых, в зависимости от того, какую сторону этого конфликта творец считает правой, какую войну – священной. А, во-вторых, например, такое событие как Троянская война можно показать пафосно-героически, как это сделал Гомер в «Илиаде», а можно – пародийно-саркастически, как это представлено в «Батрахомиомахии», причём по слухам – тем же самым Гомером.

Справедливости ради следует заметить, что война как социальный феномен – явление слишком рационалистичное, чтобы рассказывать о ней вприпрыжку и с ухмылкой. В частности, если не считать аристофановской «Лисистраты» как «милитари секс-шоу», то в пресловутом перечне «200 лучших книг по версии Би-би-си» [1] мне удалось обнаружить в этом ракурсе только «Уловку-22» Джозефа Хеллера как чёрный юмор и «1984» Джорджа Оруэлла как политическую сатиру. В мировом же кинематографе, пожалуй, лишь англо-французский фильм Жерара Ури 1966 г. «Большая прогулка» может претендовать на полноценную комедийность на тему войны.

Противопоставление «высокого» и «низкого» именно как демонстративная антитеза в мировой культуре встречается не так уж и часто. Не случайно, когда говорят о явлении «карнавализации», обходятся практически примером «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле в трактовке М.М. Бахтина, да и тут есть достаточно много возражений, в частности, у А.Ф. Лосева [6, с. 523].

Собственно об одной из таких явственных парадигм в современной культуре и пойдёт речь.

Сначала сверим терминологию. Я попытаюсь проанализировать текст, имеющий, по-моему, признаки квазифольклорного произведения, исходя из имеющих в фольклористике хождение гипотез о «фейклоре», «фальшлоре», «псевдофольклоре» [5; 7]. Это произведение с точки зрения жанра функционирует в контексте как собственно фольклорных текстов, в частности – так называемых украинских «повстанческих песен» первой половины XX в., так и авторских лирических песен партизанской тематики советского периода.

В более широком ареале можно говорить о латентном или явном влиянии на анализируемое произведение советской литературы на русском, украинском и белорусском языках, в которых сюжет развивается на фоне Гражданской и Второй мировой войн, а персонажи входят в конфликт с врагом-оккупантом: «Разгром» А. Фадеева, «Партизанские повести» В. Иванова, «Сотников» В. Быкова, «Это было под Ровно» Д. Медведева, «От Путивля до Карпат» С. Ковпака, «Хатынская повесть» А. Адамовича.

Разумеется, речь идёт только и исключительно о пародийном восприятии первоисточников. Более того, в современной русской литературе есть прецедент более точного жанрового определения подобного текста. Я имею в виду роман-анекдот В. Войновича «Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина». Если существует роман-анекдот, почему бы не быть песне-анекдоту? Ведь именно так трактует это явление актуальная Литературная энциклопедия: «...под анекдотом понимается небольшой шуточный рассказ с остроумной в своей непредсказуемости концовкой и нередко с острым политическим содержанием» [2, стб. 34—35].

Так вот – о чём же этот рассказ? Сложность заключается в том, что эффект комического возникает на уровне психосоматики, физиологии. Если анекдот надо объяснять, то объяснять его уже не надо. Предвидеть, предугадать, когда и в какой аудитории будет смешно, практически невозможно. Особенно если это смешное построено на игре слов, на смеси языков. Сразу хочу предупредить, что даже для тех, у кого украинский язык – родной, далеко не всё в этом песенном анекдоте понятно. Даже тогда, когда уже смешно. Именно поэтому в заглавии темы первым аспектом анализа стоит – «языковая специфика».

Итак – «Фигурка». Эта песня не имеет официального источника публикации и, как и положено фольклорному тексту, существует в нескольких вариантах разных исполнителей, в основном в стилистике андеграунд. Известный лично мне текст представлен уроженцем города Львова, потомком украинских переселенцев с территории нынешней Польши в ходе печально известной операции «Висла», выпускником чешской и русской филологии Львовского университета, д-ром филол. наук, профессором Университета Яна Кохановского в Кельце (Польша) Олегом Владимировичем Лещаком. То есть, источник достаточно достоверный и верифицированный, желающие могут посмотреть [здесь](#) [8]. Даю мой подстрочный ритмизированный перевод текста на русский язык:

<i>Як тільки-но(1) війна (2) зачела (3), наш вуйко (4) на стріху поліз, а вуйна (5) «Вперід!» (6) закричала (7) і нашошь (8) полетіла (9) в ліс.</i>	<i>Как только война началась, наш дядька полез на чердак, а тётка «Вперёд!» закричала, и тут же помчалась в лес</i>
<i>Приспів: Стоїть на узліссі фігурка (10) малонька (11), фігурка малонька! То всьо (12) наробила війна (13)! Ха-ха!</i>	<i>Припев: Стоит на опушке фигурка-малютка, фигурка-малютка! Во всём виновата война! Ха-ха!</i>
<i>Як німці в село заходили, то всіх перестріляли (14) псів, і вуйка Петра застрілили, бо в псячій він буді сидів. Приспів</i>	<i>Как немцы в село заходили, то всех перебили собак, и дядьку Петра застрелили – в собачьей он будке сидел Припев</i>
<i>А німець стояв з машинтвёром(15) і цілив до наших хлопів (16) а Юзько (17) хтів (18) втікти (19) ровёром (20) - німак йому кулко (21) пробив. Приспів</i>	<i>А немец стоял с пулемётом и целился в наших парней, а Юзек рванул лисапедом – фашист колесо прострелил Припев</i>
<i>А Місько (22) наш був з комзомолью (23), він з шуфльов (24) си (25) жуучив (26) на човг (27), а човг тен (28) був цалкєм (29) з заліза і Міська на пляцки (30) потовк. Приспів</i>	<i>А Мишка наш был комсомоль- цем, с лопатой пошёл он на танк, а танк-то весь был из железа – и Мишку на блин раскатал Припев</i>

1. Тулько (пол.) – тільки (только); 2. Wojna (пол.) – війна (война); 3. Zaczęła (пол.) – почала (началась); 4. Диал. – дядько по матері (дядя по матери); 5. Диал. – тітка (тетка); 6. Диал. – вперед; 7. Диал. – закричала; 8. Диал. – для чогось (зачем-то); 9. Диал. – полетіла, побігла (полетела, побежала); 10. Диал. – статуя; 11. Диал. – маленька (маленькая); 12. Всє (рус.) – все (всё); 13. Война (рус.) – війна (война); 14. Диал. – перестріляли (перестреляли); 15. Maschinengewehr (нем.) – кулемет (пу-

лемет); 16.Диал. – чоловіків (мужчин); 17.Диал. – Йосип (Иосиф); 18.Диал. – хотів (хотел); 19.Диал. – утекти (убежать); 20.Диал. – велосипед; 21.Kółko (пол.) – колесо; 22.Диал. – Михайло (Михаил); 23.Диал. – комсомол; 24.Диал. – з шуфлюю (с лопатой); 25.Диал. – ся; 26.Rzucić się (пол.) – кинутися (кинуться); 27.Czołg (пол.) – танк; 28.Теп (пол.) – той (тот); 29.Sałkiem (пол.) – увесь, повністю, цілком (весь, полностью, целиком); 30.Plasek (пол.) – коржик

Прежде всего, что такое – эта пресловутая «фигурка»? Речь идёт о существующей в Украине, особенно – Западной, традиции установления неких памятных знаков, скульптур, в местах, связанных с какими-то печальными либо исторически значимыми событиями. Это может быть крест на холме по поводу отмены крепостного права, или уже послевоенная каменная стела на братской могиле, а может – фигура Божьей матери как талисмана и «берегини» (хранительницы) определённого населённого пункта. Скорее всего, именно в этом последнем значении и применяется слово «фигурка» в тексте. Место ее нахождения – опушка леса, что говорит о некоей векторной символике всего дальнейшего сюжета.

Поскольку упоминается уже стоящая памятная скульптура, то весь рассказ следует понимать как некий ряд событий, произошедший в удалённом прошлом. А нарратор, повествующий от первого лица, таким образом – свидетель, а возможно и участник этих событий, т.е. социальный статус рассказчика – ветеран Великой Отечественной войны. Песня получила более-менее широкое хождение в 70-е годы XX в., т.е. лет через тридцать после войны, в брежневскую эпоху. Представим себе ситуацию: накануне очередного празднования Дня Победы в школу приглашён вот такой ветеран войны, скорее всего – партизан, и повествует о её начале.

Стандарт восприятия начала войны воспитан множеством художественных произведений: литературных, кинематографических, сценических. Всегда и несомненно – это трагический пафос, это эффект так называемого «послезнания», когда читатель-зритель в отличие от персонажа, взращённого на лозунгах сталинских лет «Если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы!», уже знает, сколько продлится война и сколько жертв она потребует. Нарратор же песни «Фигурка» демонстративно не принимает во внимание глобальность события – и без затей описывает суету своих родственников, бегущих в разные стороны: осторожного дядюшку, ищущего защиты от войны на чердаке, и патриотически настроенную тётушку, выкрикивающую команды и рвущуюся именно в лес, где по умолчанию и должны будут происходить все основные дальнейшие собы-

тия на оккупированной территории Западной Украины, то есть – партизанская война.

Далее драматизм нарастает, в село входят немцы – и начинается собственно война: прицельная стрельба по собакам. Жертвой этой извечной солдатской забавы становится ещё один дядюшка, выбравший для игры в прятки неудачное место – собачью будку.

Почувяв пролитую кровь, немец возбуждается и берёт в руки более серьезное оружие – ручной пулемёт. Поняв, что пахнет жареным, некто Юзек, вероятно, подросток, тогдашний приятель рассказчика, вскакивает на велосипед и пытается дать дёру. Но оккупанту свидетели не нужны. Один выстрел – и с пробитым колесом уже никто никуда не едет.

События происходят в июне 1941-го, с сентября 1939-го прошло уже полтора года, и за это время Западная Украина успела частично советизироваться. В селе уже есть комсомольская ячейка, а самый активный её член, Мишка, настолько проникся идеями марксизма-ленинизма, что, вооружившись лопатой, бросается на танк. Этот поединок был обречён на трагический финал, Мишке не устоять против многотонной железяки, которая даже не стала тратить на героического комсомольца пуль и снарядов.

«Во всём виновата война!» – глубокомысленно заключает рассказчик. Вполне в духе реплики, кочующей по советским фильмам и романам: «Лишь бы не было войны!».

Разумеется, даже в таком пересказе во всей этой истории ничего особо смешного, так сказать – анекдотического, нет. Вся комичность строится исключительно, повторяю, на языковой игре. Игре, долженствующей намекать слушателю на определённые культурные явления, снижая статус этих явлений с культовых, сакральных, священных, торжественных – до статуса обыденных, повседневных, инстинктивных, физиологических.

Герои первого куплета названы – «вуйко» и «вуйна», «дядя» и «тётя» без имён. Для современного украинского языка эти слова маркированы, во-первых, как очевидно диалектные, во-вторых – как глубоко провинциальные. Современный украинский горожанин своих дядю и тётю так не назовёт. Тем более, что «вуйко» – это не просто «дядя», это дядя по матери. Дядя по отцу – это вообще «стрик». А «вуйна» и соответственно «стрийна» – это их жёны.

И это беспрюирышний художественный приём, которым пользовался и Михаил Шолохов в «Поднятой целине», создавая образ деда Щукаря, говорящего на казачьем диалекте, и Василий Белов в повести «Привычное дело» – вологодского жителя Ивана Африканыча Дрынова, и Владимир Крупин в повести «Живая вода» – вятского обитателя Александра Ивановича Кирпикова. Ведь читатель литературного произведения – по определению человек грамотный, говорящий литературным языком, поэтому для него провинциал, пользующийся диалектом или суржиком, автоматически, априори – смешной чудак.

Для современного читателя тридцать две сноски переводов с комментариями на четыре куплета песни – обязательный компонент: 20 галицийских диалектизмов, 9 полонизмов, 2 русизма, германизм. Но парадокс, конечно, в том, что если читателю нужен перевод, то это перестаёт быть смешным. Поэтому тексты, подобные песне «Фигурка», обречены на достаточно узкий круг читателей-слушателей и почитателей по нескольким причинам.

Во-первых, такая тематика априори требует приподнятой, пафосной стилистической тональности и безусловной однозначности при выборе социально-политических ориентиров, в то время, как эстетика и этика песни «Фигурка» построена на комичности действий нарратора и персонажей, а также некоторой абсурдности ситуаций, что, несомненно, может вызывать, да и, как показывает опыт

бытования повести Войновича, вызывает у довольно многих, особенно – имевших к представленным событиям собственное отношение, внутренний протест.

И, в конечном счёте, любое антитетическое явление, вызывающее актуальную эмоциональную реакцию, может стать безусловно эстетическим феноменом лишь тогда, когда читатель и зритель будет смотреть на это событие отстранённо, отчуждённо, когда лично его это перестанет касаться.

Литература

1. 200 лучших книг по версии Би-би-си [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bbc.co.uk/arts/bigread/top200.shtml>.
2. Анекдот // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. – 1596 с.
3. Белова Н.А. Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX в.: Монография. [Текст]/Н.А.Белова — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. – 230 с.
4. Буркин А. Л. Дополнения к разысканиям в области анекдотической литературы // Буркин А. Л. Вопросы эстетики. Страницы, посвященные вопросам филологии, философии, истории искусств. [Электронный ресурс] // URL: <http://aesthetica.narod.ru/anedotos.htm>.
5. Королев К. Кот Баюн и квазифольклорная составляющая современной массовой культуры // Антропологический форум. – 2018. – № 39. – С. 52–87.
6. Лосев А. Ф. Эстетика возрождения [Текст]/А.Ф.Лосев – Москва: Изд-во Мысль, 1978. – 623 с.
7. Неклюдов С.Ю. Несколько слов о "постфольклоре". [Электронный ресурс] // URL <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>
8. Песня «Фигурка» в исполнении информанта [Электронный ресурс] // URL <https://www.facebook.com/aleksandr.glotov.71/posts/3668031243234054>